

Ренат Беккин

*Мусульмане
в советском
Петрограде – Ленинграде
(1917-1991)*

Ренат Беккин

**Мусульмане в
советском Петрограде –
Ленинграде (1917–1991)**

«Садра»

2017

УДК 28(470.23-25)(092)
ББК 86.38-3

Беккин Р. И.

Мусульмане в советском Петрограде – Ленинграде (1917–1991) / Р. И. Беккин — «Садра», 2017

ISBN 978-5-906859-92-1

Два профессора-исламоведа похищают из Российской национальной библиотеки старинную рукопись Корана. Оттого, в чьи руки она попадет, зависит будущее не только ислама, но и всей современной цивилизации... Что делать, если Вы попали в один из шариатских судов? Как решить дело о разводе по шариату, не имея никакого представления о том, что это такое? Можно ли ужиться с тремя официальными женами в небольшой квартире в Санкт-Петербурге? Как «сходить налево» и, не потеряв денег по брачному договору, взять вторую жену? Написанный легким языком, роман может быть интересен всем читателям, умеющим совмещать мыслительный процесс и отдых. Роман-фьюжн «Ислам от монаха Багиры» в 2003 году вошел в лонг-лист литературной премии «Дебют», а в 2004 году – в лонг-лист литературной премии Бориса Соколова. По версии журнала «Новая литература» роман «Ислам от монаха Багиры» попал в двадцатку лучших литературных произведений.

УДК 28(470.23-25)(092)

ББК 86.38-3

ISBN 978-5-906859-92-1

© Беккин Р. И., 2017

© Садра, 2017

Содержание

Материалы частных и государственных фотоархивов как источник по истории татаро-мусульманской общины советского Петрограда – Ленинграда 1917–1991 гг.	7
Мусульманская община в Петербурге в XVIII – начале XX в.	10
Мусульмане Петрограда в годы Гражданской войны	12
Мусульманская община в 1920-е гг	14
Татарское кладбище в Волковой деревне как центр религиозной активности мусульман Ленинграда в 1940-1950-е гг	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ренат Беккин

Мусульмане в советском Петрограде – Ленинграде (1917–1991)

Издание подготовлено при поддержке Фонда исследований исламской культуры

На обложке. Прихожане Соборной мечети (1955 г.).
Автор съемки неизвестен (из семейного архива М.Х. Махмутовой).

Congregation of the Cathedral Mosque (1955). Photographer unknown (M.H. Mahmutova's family archive).

На титуле. Семья Урусовых. Слева направо: Утешева (дев. фам. Урусова) Махера Зяйнулловна; Урусова Асьма Усмановна; Урусова Фаизья Зяйнулловна (1930 г.). Автор фото: неизвестен (из семейного архива Р.И. Беккина).

The Urusov family. From the left to the right: Mahera Zainullova Utesheva (maiden name Urusova); Asma Usmanovna Urusova; Faizya Zainullova Urusova (1930). Photographer unknown (R. I. Bekkin's family archive).

Muslims in Soviet Petrograd – Leningrad (1917–1991)

Материалы частных и государственных фотоархивов как источник по истории татаро-мусульманской общины советского Петрограда – Ленинграда 1917–1991 гг.

Беккин Р.И.

Тема ислама в Советском Союзе в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. При этом *JI W* объектом изучения становится не только политика государства по отношению к исламу и мусульманам¹, но и специфика функционирования исламских институтов, в т. ч. неофициальных, в отдельных регионах страны². Изучение истории и форм бытования ислама в СССР важно, помимо прочего, еще и потому, что эта эпоха не так далеко отстоит от нас, и многие мусульманские духовные лидеры, возглавляющие в наши дни приходы и религиозные организации в разных городах, сформировались и получили образование в советское время. Однако эта близость времен оказывается мнимой, когда сталкиваешься с тем, что большинство свидетелей эпохи, которые обладали непосредственным опытом участия в религиозной жизни в разных регионах Советского Союза (в т. ч. в Ленинграде) в 1920–1970-х гг., уже покинули этот мир.

До наших дней дошло не так много источников, созданных в среде самих мусульман и зафиксировавших отдельные моменты повседневной религиозной жизни в Ленинграде. Прежде всего, это немногочисленные письма. Дневники в те времена вели немногие ленинградские мусульмане, а те, что дошли до нас, – можно сосчитать по пальцам. Значительный объем составляют материалы советских государственных органов, в задачи которых входил контроль за религиозной активностью граждан. Не случайно, эти материалы и по сей день служат предметом вдохновения как для отечественных, так и для западных исследователей, изучающих ислам в СССР³. Однако использование этих официальных источников может привести исследователя к тем многочисленным ошибкам, которые допустил упоминаемый выше Яков Рой, который фактически строил свои представления о формах бытования ислама в СССР на основании документов различных советских ведомств.

С учетом вышесказанного, фотоматериалы (прежде всего, из личных архивов), зафиксировавшие повседневную жизнь мусульман в Советском Союзе, являются для нас одним из важнейших и, в ряде случаев, едва ли не основным источником информации. Я говорю основным, но не единственным, потому что любая фотография, дошедшая до нас из лич-

---

¹ *Ro 'i Y. Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev.* New York: Columbia University Press, 2000; Ислам и советское государство / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. Вып. 1. М.: ИД Марджани, 2010; Ислам и советское государство / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. Вып. 2: (1917–1936). М.: ИД Марджани, 2010; Ислам и советское государство / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. Вып. 3: (1944–1990). М.: ИД Марджани, 2011; *Салахбекова З.А.* Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 гг.). Автореф. дне. на соиск. учен. степ. к. ист. н. Махачкала, 2003 и др.

² *Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.* История исламских общин Нижегородской области: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998; *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.: Медина, 2013; *Сафаров М.А.* Повседневная жизнь московских мусульман в 1960–1980-х годах // *Неприкосновенный запас.* 2012. № 4 (84). С. 139–148 и др.

³ В качестве наиболее яркого примера следует привести уже упоминавшуюся выше книгу Якова Роя «Ислам в Советском Союзе» (*Ro 'i Y. Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev.* New York: Columbia University Press, 2000), где автор фактически строил свои представления о формах бытования ислама в СССР на основании документов различных ведомств. Подробнее о недостатках книги Роя см.: *DeWeese D.* Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union // *Journal of Islamic Studies.* 2002. № 13 (3). P. 298–330.

ного архива, нуждается в компетентном рассказчике, без которого запечатленное на пленке будет лишь мертвым артефактом прошлого, осколком чужой судьбы. Однако в большинстве случаев владельцы фотоальбомов – дети и внуки мусульман Петрограда – Ленинграда – не смогли дать нам существенных пояснений к фотографиям, либо потому что не обладали информацией, либо потому что по разным причинам не хотели этого делать. Последнее встречалось среди тех, чьи родственники стали жертвой сталинских репрессий. Мой интерес к давно минувшим делам их родственников вызывал у них опасения и даже страх.

К счастью, значительное число снимков содержат надписи на обороте. Однако данная категория пояснительных текстов не всегда обеспечивает исследователя достаточной информацией, необходимой для воссоздания истории, которую скрывает фотография.

Что касается государственных архивов (прежде всего, ЦГАКФФД СПб), то здесь в основном содержатся официальные фотографии, запечатлевшие важнейшие события в истории мусульманской общины Петрограда – Ленинграда, – в первую очередь, визиты зарубежных делегаций. Часть этих материалов дублируется снимками из семейных архивов, принадлежащих потомкам *имам-хатибов* Ленинградской Соборной мечети: М.-Дж. Бигеева, Г.Н. Исаева и Х.В. Махмутова. Именно потомки духовных руководителей мусульман Ленинграда оказались обладателями самых крупных частных фотоархивов, проливающих свет на историю мусульманской общины города.

Особо следует отметить коллекции Государственного музея истории религии в Петербурге. Среди протокольных снимков здесь имеются фотографии, на которых зафиксирована повседневная религиозная жизнь мусульманской общины. Так, например, большой интерес представляют изображения пятничной и праздничных молитв на Татарском участке Ново-Волковского кладбища, датируемые 1954 г. На этих фотографиях, сделанных сотрудником музея Д.И. Исаковым, запечатлен примечательный период в жизни татаро-мусульманской общины города на Неве, когда кладбище служило местом проведения коллективных намазов. Через два года мусульманам Ленинграда была возвращена Соборная мечеть, закрытая в 1940 г. С 1940 по 1956 г. (за исключением блокадного времени) пятничные и праздничные молитвы проводились на Татарском участке Ново-Волковского кладбища⁴.

Таким образом, фотоматериалы из государственных и частных архивов органично дополняют друг друга, позволяя взглянуть на историю мусульманской общины не только глазами фотографа-исследователя, но и самих верующих. В последнем случае мы можем проанализировать, какие события считались значимыми для самих мусульман, чтобы быть запечатленными фотокамерой. При этом, конечно, нужно принимать во внимание что далеко не все примечательные события могли фиксироваться на пленку. Причины могли быть разными, например, опасение подвергнуться репрессиям за соблюдение тех или иных обрядов.

Как уже было отмечено выше, главной проблемой собранных нами фотоматериалов является отсутствие пояснительной информации к ним. Не все снимки имеют подписи, позволяющие установить дату съемки и изображенных людей. Это утверждение справедливо и по отношению к фотографиям из государственных архивов. При изучении коллекций Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД СПб) мы столкнулись с тем, что некоторые снимки неверно атрибутированы. В частности, были искажены или неправильно указаны имена и фамилии изображенных на них людей.

Возможность правильно установить лиц, представленных на фото, конечно, существует не всегда. Однако даже если эта задача не выполнима, фотография не теряет своей ценности как дополнительный источник информации. В последнем качестве она может пояснять (дополнять) имеющуюся в распоряжении исследователя информацию, подтверждать или опровергать ее. Так, например, в книге петербургского краеведа Д.А. Аминова

---

⁴ Подробнее о Татарском участке Ново-Волковского кладбища см. далее.

содержится информация о том, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. пятничные намазы на Татарском участке Ново-Волковского кладбища проводил неофициальный мулла Гатчины Мутугулла Хамитов⁵. Долгое время это утверждение не было подкреплено ничем, кроме устного свидетельства покойного ученого. Только фотографии из государственного и частного архивов, на которых изображен Хамитов, позволили документально подтвердить информацию Аминова.

Иногда само отсутствие фотографии может дать повод для размышления и послужить стимулом для поиска дополнительных сведений. Например, из имеющихся официальных письменных источников известно о многочисленных встречах двух *имам-хатибов* Ленинградской Соборной мечети Г.Н. Исаева и Х.В. Махмутова. Однако нам не удалось найти фотографии, на которых оба религиозных деятеля были бы изображены вместе – при том, что сохранилось немало фотографий Исаева и Махмутова с одними и теми же лицами, но по отдельности. Это дало нам основания для предположения о конфликте между двумя имамами. Впоследствии эта догадка, возникшая в результате размышлений над частными архивами, подтвердилась при изучении дневников и писем имама Махмутова.

Как видно из приведенных нами примеров, фотография может выступать верным помощником исследователя лишь в том случае, если он в достаточной степени владеет не только общей информацией, но и конкретными деталями, связанными с историей мусульманской общины Петербурга.

Мы не случайно уделяем существенное внимание судьбам имамов – руководителей татаро-мусульманской общины города. Это обусловлено по меньшей мере двумя причинами: наличием значительного объема разного рода источников, в том числе визуальных, а также тем значением, которое имела фигура *имам-хатиба* Соборной мечети для мусульман Петрограда – Ленинграда.

Говоря о советском периоде, мы не случайно употребляем словосочетания «мусульманская община» и «татаро-мусульманская» община в качестве синонимов. Вплоть до конца XX века представители разных субэтнических групп татарского этноса составляли большую часть мусульманского населения города.

---

⁵ Аминов Д.А. Татары в Санкт-Петербурге: Ист. очерк. СПб.: Альда, 1994.

Мусульманская община в Петербурге в XVIII – начале XX в.

Основную часть мусульманского населения Петербурга на протяжении всей его истории составляли татары. Известно, что на работах по возведению Петропавловской крепости использовались татары и башкиры, служившие под началом И.Е. Бахметева и др. Вскоре на берега Невы стали присылать крестьян и посадских людей из российских губерний, в т. ч. Казанской. По указу Петра I к строительству начали привлекать не только крестьян (по одному человеку с 4 дворов), но и некрещеных служилых мурз. К середине XVIII в. татаро-мусульманские общины возникают в Кронштадте и Любани – деревне, находившейся на почтовом тракте, соединявшем Петербург и Москву.

В XVIII столетии большинство мусульман Петербурга были военнослужащими. Небольшую группу составляли купцы. Функции имамов выполняли рядовые, наиболее осведомленные в вопросах мусульманского обряда. Вот что писал о богослужениях мусульман столицы в конце XVIII в. немецкий ученый и путешественник И.Г. Георги: «Магометане, Татары из разных областей, чужестранные купцы, поверенные и т. д. не имеют ни мечети, ни какого-либо прихода; но между купцами находятся у них духовные (Муласы), которые в жилищах своих с единоверцами своими по пятницам и по праздникам производят торжественную свою службу на Арабском и Татарском языках»¹.

В 1822 г. в Петербурге был учрежден первый гражданский магометанский приход. Однако лишь во второй половине XIX в. число гражданских лиц стало превышать число мусульман-военнослужащих. Большая часть татарского населения Петербурга в конце XIX – начале XX в. была занята в сфере мелкой торговли и услуг. В мемуарной литературе сохранились воспоминания о татарах-старьевщиках, которых в городском фольклоре именовали «князьями». «Князья», торговавшие «красным товаром», появлялись во дворах Петербурга с криками: «Халат, халат!»⁶. Были среди татар и дворники, но в имперский период среди представителей этой профессии их было не так много, преобладали выходцы из Тверской губернии.

По данным на 1910 г., в Петербурге проживало 7,3 тыс. татар, что составляло около 0,4 % городского населения⁷. Другие народы, традиционно исповедующие ислам, были представлены не более чем несколькими десятками человек. Среди татаро-мусульманского населения города преобладали три субэтнические группы: касимовские татары, мишаре и казанские. В городе также проживала небольшая, но заметная группа польско-литовских татар. Что касается Петроградской губернии, то здесь в ряде населенных пунктов, располагавшихся к югу от столицы, касимовские татары составляли большинство. Мишаре, в свою очередь, преобладали среди мусульман, освоивших территорию Карельского перешейка к северу от реки Сестры, относившуюся к Выборгской губернии Великого княжества Финляндского.

К концу XIX – началу XX века в Петербурге возникла небольшая прослойка мусульманской интеллигенции, состоявшей из представителей татар (казанских, нижегородских, касимовских, польско-литовских, крымских), кавказских и среднеазиатских народов. Это

---

⁶ См., например: Григорьев М.И. Петербург 1910-х гг. Прогулки в прошлое. СПб: Российский институт истории искусств, 2005. С. 251; [Ключева М.И.]. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. / Сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак. М; СПб: Atheneum; Феникс, 1997. Вып. III. С. 206; Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris: Умса-Press, 1988. С. 13; и др.

⁷ Санкт-Петербург: энцикл. слов. СПб., [2007-] // [www.encyspb.ru/object/ 2803920605?dv=2853931022&lc=ru, доступ от 5.04.2016].

были в подлинном смысле духовные лидеры нации, формированию которых в качестве таковых в немалой степени способствовала либерализация политической жизни в России после первой русской революции 1905–1907 гг.

Две другие русские революции – Февральскую и Октябрьскую – мусульманская община Петрограда застала в период своего наивысшего расцвета, несмотря на реакцию 1907–1910 гг., во время которой прекратили существование некоторые столичные мусульманские издания, был закрыт один из магометанских приходов, вокруг которого группировалась либеральная интеллигенция, и т. п.

Мусульмане Петрограда в годы Гражданской войны

После Октябрьской революции, как и после Февральской, мусульмане были полны надежд⁸. Однако разочарование в большевиках наступило почти так же быстро, как в буржуазно-демократическом правительстве. На нескольких фотографиях, хранящихся в ЦГАКФФД СПб, зафиксированы эпизоды общественно-политической жизни революционного Петрограда. Автором некоторых из них является известный петроградский-ленинградский фотограф Яков Владимирович Штейнберг (1880–1942). Так, на одном из снимков Штейнберга изображены служащие Исполкома Всероссийского мусульманского совета (Икомус)⁹. Сам совет был учрежден в мае 1917 г. в Москве, а его исполнительный орган – Икомус – работал в Петрограде. В мае 1918 г. Всероссийский мусульманский совет и Икомус были упразднены. Другая фотография, хранящаяся в фондах ЦГАКФФД СПб, сделана в приемной Икомуса зимой или ранней весной 1918 г. Данный снимок позволяет составить определенное представление о мусульманском населении Петрограда в начале XX в. Тогда в городе еще оставалось много старожилов, мало чем отличавшихся своим внешним обликом от других горожан. Вскоре структура мусульманского населения города значительно изменилась. Спасаясь от бедствий гражданской войны, в Петроград прибыли татары (большая часть крестьяне) из Поволжья и других регионов России.

Все изображенные посетители в приемной Икомуса – мужчины. Большая часть их одета в европейскую одежду по моде того времени. Все мужчины носят усы и лишь двое также имеют бороду. Один из них, очевидно, – так называемый халатник, торговец старым товаром в разнос.

На нескольких фотографиях, относящихся к эпохе революции и гражданской войны, представлены командный состав и бойцы 3-го Башкирского кавалерийского полка, входившего в Башкирскую группу войск РККА. В сентябре 1919 г. дивизия была переброшена в Петроград для обороны города от войск Юденича. В дальнейшем она участвовала в захвате Павловска, Гатчины и Ямбурга. Инициатор призвания башкир в Петроград Л.Д. Троцкий писал об этом впоследствии:

Башкирская кавалерийская дивизия была лишь недавно сформирована. Я с самого начала имел в виду перевести ее на несколько месяцев в Петроград, чтобы дать возможность степнякам прожить некоторое время в культурной обстановке города, сблизиться с рабочими, посетить клубы, митинги и театры. Теперь к этому присоединилось новое, более неотложное соображение: напугать финляндскую буржуазию призраком башкирского нашествия¹⁰.

Башкиры вполне оправдали ожидания председателя Реввоенсовета. Проезжавшие по улицам Петрограда степняки на конях напоминали жителям города скифов из одноименного стихотворения Александра Блока, написанного в январе 1918 г. Появление раскосых богатырей символизировало в глазах обывателей падение и гибель старого мира.

Могильщиками прежней жизни увидел представителей другого тюркского народа – татар – писатель Исаак Бабель. В своем очерке «О лошадях», подготовленном в 1918 г. для горьковской «Новой жизни» он писал о татарах-конебойцах Петрограда:

⁸ Подробнее об этом см.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004.

⁹ В подписи к фотографии на сайте Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД СПб) ошибочно указана дата съемки: 1923–1924 г. Однако, как видно из информации, приведенной выше, данный снимок был сделан не позже мая 1918 г.

¹⁰ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. С. 406.

Десятки татар заняты убоим лошадей. Это чисто татарское дело. Наши бойцы, сидящие без работы, до сих пор не решились приступить к нему. Не могут, душа не пускает... Настало обеденное время. Трактир был наполнен татарами – бойцами и торговцами. От них пахло кровью, силой, довольством... За столиками рослые татары трещали на своем языке и требовали себе к чаю варенья на 2 рубля. Возле меня примостился мужичонка. Мигая глазами, он сообщил, что в нынешнее время каждый татарин тысяч по пяти, а может, и по десяти в месяц зашибает, “всех лошадей скупили, дочиста всех”... Потом я узнал, что и русские за ум взялись. Тоже промышляют. “Что поделаешь? Раньше конину татары ели, а нынче весь народ и даже господа...” Солнце светит. У меня странная мысль: всем худо, все мы оскудели. Только татарам хорошо...¹¹.

Слова Бабеля о татарах, несмотря на яркость красок, были отягощены преувеличением. В холодном и голодном Петрограде, где лошадиная падаль считалась пределом мечтаний, никому не могло быть хорошо, разве что тем, кому теперь принадлежала власть.

После революции состав мусульманского населения Петрограда сильно изменился. Многие мусульмане, проживавшие в городе, либо эмигрировали (в основном в Финляндию или через Финляндию), либо погибли в годы Гражданской войны. В начале 1920-х численность татаро-мусульманской общины Петрограда увеличилась в 4 раза по сравнению с довоенным уровнем за счет 28 тысяч крестьян, спасавшихся от голода в Поволжье¹².

Несмотря на этническую близость с татарами, жившими в городе до революции, прибывавшие в город в 1920-1930-е гг. были людьми с иным культурным фоном. Приведем цитату, характеризующую одного из новых жителей Ленинграда – татарина Хисамова: «Я Хисамов Нигмат Абдулович был пастухом, ходил в рваной чужой рубашке и в лаптях. Было это в царской России. Но вот пролетариат сбросил иго капитализма; нам нацменам татарам-башкирам открылась широкая светлая дорога. Пошел учиться на 3-х годичную строительную школу. Учился упорно не спя по ночам. С 1930 г. по 1932 г. работал в колхозе и видел, что в результате коллективизации положение крестьянства улучшилось во много раз. Меня тянуло учиться. Уехал в Ленинград и поступил на курсы планеристов-летчиков. Я буду летчиком, буду защищать советские границы от врагов. Я теперь не пастух в рваной рубашке и лаптях, я летаю по воздуху, я советский летчик»¹³.

Остававшиеся в городе представители дореволюционной татарско-мусульманской общины либо тихо доживали свои дни, либо выполняли общественные обязанности, возложенные ими на себя до революции, как, например, купец и меценат Мухаммед-Алим Максудов. Немногие из них продолжали пользоваться прежним влиянием в качественно изменившейся мусульманской общине Петрограда.

---

¹¹ Бабель И.Э. О лошадях // Бабель И.Э. Петроградская проза. [Сборник]. СПб: Юпитер, 1993. С. 45–47.

¹² Тагирджанова АМ. Татарские детские дома в Петрограде – Ленинграде 1920-х годов // История Петербурга. 2008. № 6 (46). С. 53.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 30. Л. 25 // цит. по: Смирнова Т.М. Не винтики, но электроны! // История Петербурга. 2012. № 3 (67). С. 59.

Мусульманская община в 1920-е гг

В 1917 г. *имам-хатибом*¹⁴ Петроградской Соборной мечети стал известный мусульманский богослов Муса Джарулла Бигеев (1879–1949). Но в начале 1920-х он, занятый общественно-политическими делами, не имел возможности выполнять функции духовного главы мусульман Петрограда. В 1920 г. Бигеев приглашает в качестве *имам-хатиба* Якуба Камаловича Халекова¹⁵ (1887 – после 1951). Ранее в 1910–1917 гг. тот служил имамом в Вологде. В 1918 г. Халеков прибыл в Петроград и нанялся рабочим в «Восточный продовольственный магазин», затем поступил десятником в ассенизаторский обоз. На должность *имам-хатиба* Халекова рекомендовал Ибрагим Батырбаевич Батырбаев, выполнявший функции казначея Мусульманского благотворительного общества и Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге. Халеков к моменту назначения на должность имама был безработным и приходился Батырбаеву зятем. Вместе с Халековым имамом работал Кама-летдин Басырович Басыров (1876 – после 1931), проживавший в Детском Селе (с 1937 г. – Пушкине). С 1920 по 1928 г. Басыров возглавлял мусульманский приход, размещавшийся по адресу: Большая Московская ул., д. 1/3, несмотря на открытие Соборной мечети для верующих в 1913 г. Приход на Большой Московской функционировал до своего закрытия в 1928 г.

При мечети был организован приходской совет – «двадцатка». «Двадцатка» несла ответственность за административно-хозяйственные вопросы, не входившие в компетенцию имамов.

К началу XX в., помимо Петербурга, в целом ряде городов Петербургской и Выборгской губерний (Кронштадте, Выборге, Луге и др.) действовали мусульманские мечети или молельни. Они, как правило, занимали одно или несколько помещений в доме состоятельного представителя общины, который нередко был ее неформальным лидером. Так было, например, в Луге, где мусульманская молельня до 1919 г. находилась в доме Валея (Вали) Хабибулловича Сапарова (ок. 1889–1919). В 1919 г. молельня подверглась нападению анархистов, сам Валея Сапаров погиб, обороняя дом от грабителей¹⁶.

В архиве правнука Сапарова сохранились две фотографии, на которых изображен сам Валея Хабибуллович с женой и детьми. По свидетельству внука, его дед, известный ленинградский журналист Ариф Сапаров ничего не рассказывал родным о своем отце. Коммунист по убеждениям, Ариф Сапаров предпочитал не распространяться о том, кем был Валея Сапаров, но и сами фотографии, на которых запечатлен и он сам, к счастью, не уничтожил.

В другом городе под Ленинградом – Кронштадте мечеть на Петербургской улице работала до 1927 г. В 1926 г. из Кронштадта выслали имама Мухамеда-Фатиха Загафарова (1884 – ?) и трех членов приходского совета («двадцатки») мечети. 27 ноября 1927 г. мечеть выселили из занимаемого ей с 1870 г. дома, а доходы от проданного имущества были направлены в казну. Само двухэтажное здание мечети было утрачено в середине XX в. К сожалению, шансы отыскать какие-либо фотоматериалы, касающиеся религиозной жизни мусульман в городе-крепости до и после революции, крайне малы.

Большая часть фотоматериалов, относящихся к 1920-м гг., поступило к нам из семейных архивов наследников имамов Бигеева и Халекова, а также татарского журналиста Карима Мухаметшича Сагидова (1888–1939). Несколько фотографий этих лет представляют собой групповые снимки у Соборной мечети. Традиция делать групповые фотографии у

¹⁴ *Имам-хатиб* (араб. – оратор, проповедник) – зд.: имам, выступающий в мечети (или молельне) во время пятничного намаза с проповедью. Еже

¹⁵ дневные пятикратные молитвы в мечети в другие дни как правило ведут обычные имамы.

¹⁶ В настоящее время в бывшем доме Сапарова (ул. Урицкого, д. 54) располагается дом детского творчества.

мечети возникла едва ли не с момента закладки первого камня в ее основание в 1910 г. После открытия мечети в 1913 г. появляется немало снимков, на которых запечатлены прибывавшие в Петроград мусульмане. Одними из наиболее известных являются фотографии «Дикой дивизии», прибывшей в конце августа 1917 г. в Петроград по приглашению мусульман столицы после предотвращения «корниловского выступления». До нашего времени дошли групповые фото у входа в мечеть, снятые в 1920-е, 1960-1980-е гг.

Практически отсутствуют фотографии, относящиеся к 1930-м гг. В годы массовых репрессий и гонений на религию мало кто осмеливался фиксировать на пленку религиозные практики в городе Ленина. Более того, фотографии, сделанные в прежние годы и сохранившие арабграфичные надписи на обороте, нередко уничтожались самими обладателями фотоархивов. Так, нам не удалось отыскать ни одной фотографии *имам-хатибов* Якуба Халекова и Кемалья Басырова, арестованных в ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. В эту ночь мусульманская община Ленинграда подверглась настоящему разгрому. Кроме Халекова и Басырова, было арестовано еще 25 человек, в том числе жена и дети М. Бигеева, члены «двадцатки» при Соборной мечети. Эти аресты были связаны с бегством в 1930 г. за границу Мусы Бигеева¹⁷.

Главными фигурантами дела были имамы Халеков и Басыров. В материалах дела говорилось следующее: «Эти муллы, группируя вокруг себя единомышленников националистической к-р. идеологии из активных прихожан мечети (членов 20-тки и торгашеский элемент, имеющий связи с татарской эмиграцией в Финляндии), маскируясь отправлением религиозных обрядов, занимались антисоветской агитацией»¹⁸. В этом же документе приводятся оценочные сведения о численности татаро-мусульманской общины Ленинграда в начале 1930-х: «В результате к-р. группировка при мечети завоевала себе такой авторитет, что на молебствование по праздникам в мечеть стекалось по 5–6 тысяч человек татарской колонии, что составляет 20–25 % общего числа последней»¹⁹. Остается только выразить сожаление, что до нас не дошло ни одного снимка, запечатлевшего прихожан мечети в конце 1920-х – начале 1930-х гг. К указанному периоду относится лишь несколько групповых постановочных фото перед центральным входом в мечеть. Как правило, такие фото делались по случаю приезда важных гостей.

В вину арестованным ставились, помимо прочего, связи с татаро-мусульманской общиной Финляндии. Действительно до начала 1930-х гг. советско-финская граница была фактически прозрачной, поэтому связь ленинградских татар с татарами, жившими в Финляндии, не прерывалась²⁰. Предприниматели, поселившиеся в Финляндии еще до революции, помогали своим землякам-мишарям, жившим в Ленинграде. Так, одним из активных спонсоров Бигеева был проживавший с 1920 г. в Тампере Зинетулла Ахсан Бёре. Его тесть Кемалетдин Бедрятдинов, живший в Детском Селе и до революции специализировавшийся на мясной торговле, был среди арестованных в ночь с 15 на 16 февраля 1931 г.

Из 27 арестованных по «делу Бигеева» Постановлением Коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. 23 человека были приговорены к разным срокам заключения. Жена Бигеева Асьма ханум и дети: Ахмед, Мариам и Хинд были высланы из Ленинграда сроком на три года²¹.

¹⁷ Фото самого Бигеева вместе с членами семьи уцелели в семейном архиве Бигеевых.

¹⁸ Обвинительное заключение по след. делу № 111999 по обвинению националистической контр-революционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом (в оригинале опечатка: Якубой. – Р.Б.) и Басыровым Кемалем, в пр. пр. ст. 58-4 УК. Л. 368–369 (Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ).

¹⁹ Там же. Л. 369.

²⁰ Известны случаи, когда в середине 1930-х гг. татарам удавалось переправлять своих родственников в Финляндию. Так, например, в 1935 г. бывший лидер мусульман Терюк в 1911–1916 гг. Зинетулла Ахсан Бёре смог перевести из СССР через советско-финскую границу свою мать Мерхаб Ибрагимову (1855–1941).

²¹ Там же. Л. 392–393.

Разгром руководства мусульманской общины в Ленинграде создал предпосылки для сворачивания религиозной активности в городе. Однако мечеть продолжала функционировать до 1940 г.

Татарское кладбище в Волковой деревне как центр религиозной активности мусульман Ленинграда в 1940-1950-е гг

Недоступными для нас оказались и фотографии, относящиеся к периоду блокады Ленинграда. Некоторые мусульмане были эвакуированы. В эти годы ушли из жизни последние представители дореволюционной мусульманской интеллигенции. Одним из последних был погибший в первую блокадную зиму 1941–1942 гг. Исмаил Номанович Леманов (1871–1942), бывший редактор газеты «Миллят», издававшейся в 1913–1915 гг. в Петербурге мусульманской группой депутатов Государственной думы IV-го созыва.

Татарское кладбище в Волковой деревне находилось тогда на городской окраине, и для людей, проживавших в других районах, было настоящим подвигом доставить тело умершего до места последнего упокоения. Но сделать это самому было надежнее и достойнее для памяти покойного, чем доверить это дело похоронной команде. Мало кому удавалось соблюсти мусульманский обряд и предать тело земле в день смерти до захода солнца. Всех умерших клали в братскую могилу. За то, чтобы похоронить человека в отдельной, а не в братской могиле, родственники умершего отдавали золото и другие драгоценности. Или обменивали золото на хлеб и расплачивались хлебом с теми, кто предавал тело земле. Так, моя бабушка похоронила свою мать на Татарском участке Ново-Волковского кладбища, оплатив работу частных могильщиков буханкой хлеба и золотыми украшениями. На могиле устанавливалась небольшая палка или доска, к которой проволокой была прикреплена дощечка или картонка с фамилией, именем и отчеством и датами жизни. Уже к концу войны многие могилы блокадного времени оказались утраченными. Немало индивидуальных могил было вырыто с нарушением санитарных норм, на глубине меньше требуемых 80 см от поверхности земли. Поэтому впоследствии на городских кладбищах, включая Ново-Волковское, производились перезахоронения, и установить место упокоения близкого человека для многих выживших блокадников уже не представлялось возможным²².

После окончания войны в Ленинград прибыли новые жители, состав татаро-мусульманской общины города вновь обновился, как это уже было после Октябрьской революции, – то есть при жизни одного поколения. Некоторым прежним жителям, вернувшимся из эвакуации или с фронта, пришлось поменять свое место жительства, так как их квартиры были заняты другими жильцами. Так, например, случилось с моей бабушкой, которая до войны и в первые годы блокады до эвакуации жила в коммунальной квартире на улице Марата в районе Пяти углов, месте компактного проживания татарми-шарей в начале XX в.

Несмотря на некоторые послабления, сделанные в отношении религии в годы войны И.В. Сталиным, они практически не затронули ислам. Возобновившиеся после войны ходатайства об открытии для верующих Ленинградской Соборной мечети так и не были удовлетворены. Мусульмане были вынуждены собираться для проведения пятничных и праздничных намазов на Татарском участке Ново-Волковского кладбища.

Татарский участок Ново-Волковского кладбища – одно из старейших сохранившихся мусульманских кладбищ в Европе. Оно было основано в 1826 г. в ответ на ходатайство военного *сосуна*²³ Отдельного гвардейского корпуса Д. Хантемирова. В результате в том же году под мусульманское кладбище был выделен участок в 2 десятины земли на берегу реки Вол-

---

²² Яров СВ. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 186.

²³ Ахун – духовное звание мусульманского богослова. В ряде регионов Российской империи *ахун* являлся главой мусульманского духовенства.

ковки в районе Волковой деревни – в трех верстах от города. Очевидно, главной причиной выбора этого места было то, что при Екатерине II здесь компактно хоронили турецких военнопленных, проживавших неподалеку от Волковой деревни.

После Октябрьской революции Татарское кладбище продолжало служить местом упокоения татар и представителей других народов, исповедующих ислам. Со временем здесь все чаще стали появляться могилы людей, которых можно назвать мусульманами лишь в силу этнической принадлежности. Но определенные правила погребения по мусульманскому обряду соблюдались и здесь: так, мертвых, как правило, хоронили в саване, без гроба. Это подтверждают имеющиеся в нашем распоряжении фотографии из государственных и частных архивов, относящиеся к 1950-1980-м гг.

После закрытия для верующих мечети в 1940 г. значение Ново-Волковского кладбища в жизни мусульман возросло. Кладбище стало местом проведения пятничных намазов, собиравших несколько сотен человек. Иными словами, мусульмане вернулись к ситуации столетней давности – когда еще не была построена Соборная мечеть. Сюда приезжали верующие со всего Ленинграда и из ближайших пригородов.

После войны кладбище продолжало служить местом проведения пятничных намазов. Во время праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам на кладбище собиралось 7 000-8 000 чел²⁴. В нашем распоряжении имеются несколько фотографий, сделанных ленинградским фотографом, сотрудником Государственного музея истории религии и атеизма АН СССР Д.И. Исхаковым в 1954 г. на Татарском кладбище. На фотографиях запечатлены группы верующих во время праздничного и пятничного намазов. Как среди мужчин, так и женщин на фотографии присутствуют большей частью пожилые люди. На одном из снимков, относящихся к 1954 г., запечатлен *джаназа-намаз* (погребальная молитва). Примечательно, что среди присутствующих на этом снимке немало женщин (около одной трети от общего числа). Они располагаются на заднем плане за мужчинами.

В 1964 г. Татарский участок Ново-Волковского кладбища был частично законсервирован. Однако каждый год на кладбище появляются новые захоронения, – нередко на месте бесхозных старых.

Другим старым мусульманским кладбищам на территории, административно относящейся в наши дни к Санкт-Петербургу или Ленинградской области, не так «повезло». К 1917 г. мусульманские кладбища (участки) существовали в следующих населенных пунктах, входящих ныне в состав Санкт-Петербурга или Ленинградской области: Любани (с сер. XVIII в.), Царском Селе (с 1820-х гг.), Кронштадте (с сер. XIX в.), Гатчине (с 1851 г.), Луге (с нач. XX в.), Петергофе (с нач. XX в.), Тосно (с 1905 г.), Новой Ладого (с 1906 г.), Выборге (с 1911 г.), Териоках (с 1916 г.)²⁵. К середине прошлого столетия большая часть этих кладбищ была безвозвратно утрачена. Так, например, по свидетельству лужского старожила Борислава Брониславовича Таканаева, мусульманское кладбище в Луге было практически полностью разрушено во время войны, так как здесь стояли немцы и велись активные боевые действия²⁶. Однако находящееся рядом еврейское кладбище уцелело. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что надмогильные памятники татар были из недолговечного материала. Иногда это были лишь небольшие деревянные знаки над холмиками. Некоторые из этих холмиков уцелели до наших дней, но местные старожилы не смогли помочь мне с идентификацией этих захоронений. Памятники на могилах дореволюционного времени принадлежат

²⁴ Тагирджанова А.Н. В костеле мог бы звучать азан... // История Петербурга. 2008. № 2 (42). С. 53–60.

²⁵ подробнее об этом см.: Беккин Р.И. Забытые мусульманские кладбища в окрестностях Петербурга // История Петербурга. 2014. № 1. С. 81–85.

²⁶ Интервью Р.И. Беккина с Б.Б. Таканаевым, 10 августа 2015 г. (Материалы автора).

представителям семьи Таканаевых, но они не дореволюционные, а новые, относящиеся к 1960-м гг. и установленные самим Б.Б. Таканаевым²⁷.

---

²⁷ Сохранились фотографии этих памятников, сделанных самим Таканаевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.